

RU

Механизмы дистанцирования «чужого» в рамках оппозиции «свой - чужой» (на материале текстов современной испанской и французской литературы)

Абкадырова И. Р., Режук З. В.

Аннотация. Цель исследования - выявить механизмы дистанцирования «чужих» в рамках бинарной оппозиции «свой - чужой» при моделировании образа русских. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые с применением когнитивного подхода были выявлены параметры дистанцирования «чужих» в рамках оппозиции «свой - чужой» на материале современной художественной литературы на испанском и французском языках. В результате установлено, что при этом дистанцирование «чужих» может происходить путем приписывания какой-либо отрицательной характеристики практически всем представителям русской культуры. Среди наиболее частотных черт поведения «чужих» русских подчеркиваются такие, как бестактность и грубость.

EN

Outgroup Distancing Mechanisms within “Ingroup - Outgroup” Opposition in Literature (Based on Texts of Contemporary Spanish and French Literature)

Abkadyrova I. R., Rezhuk Z. V.

Abstract. The aim of the study is to identify the mechanisms of distancing “outgroup” members within the framework of the “ingroup - outgroup” binary opposition when modelling the image of the Russians. The scientific novelty lies in the fact that on the basis of a cognitive approach the parameters of distancing “outgroup” members within the “ingroup - outgroup” opposition have been identified in modern fiction in Spanish and French. The distancing of “outgroup” members happens due to attributing some negative characteristic to almost all the representatives of the Russian culture. Such features of the “outgroup” Russians’ behaviour as tactlessness and rudeness are emphasized among the most frequent ones.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время в силу развития высоких технологий увеличивается количество контактов между «своими» и «чужими» и вопросы изучения идентичности вновь оказались в фокусе внимания исследователей, поскольку эта оппозиция может становиться основой для манипулятивных стратегий. Представители принимающей культуры воспринимают эмигрантов как отдельную социальную группу и зачастую относятся к ним негативно вследствие разницы в языках и культурах. Очевидные культурные различия пересиливают этнические границы и приводят к тому, что индивиды, как правило, избирают поведенческие модели, направленные на защиту единства и состоятельности системы ценностей своей собственной культуры.

Представляется возможным говорить о различных способах освоения «чужой» культуры: как о прямых проникновениях в язык в виде иноязычных вкраплений и заимствований, так и о переносе ассоциаций и культурных ссылок из одной культуры в другие. В последнем случае происходят наложения ценностных доминант одной культуры на другую и перенос того или иного фрагмента культурного кода. Взаимодействие «своих» и «чужих», не имеющих личного опыта общения в прошлом, регулярно происходит на основании стереотипов. Такое положение неизбежно приводит к появлению оценочности в восприятии, а именно разделению на «своих» и «чужих».

Анализ произведен на материале текстов двух художественных произведений современных европейских авторов. Выбор текстов неслучаен:

1. Роман испанской писательницы E. Freire “Llamadme Alejandra” (Э. Фрейра «Зови меня Александрой») рассказывает о замужестве и жизни в России жены императора Николая II. Повествование в произведении ведется от лица Александры, и, поскольку она выросла и была воспитана в немецкой культуре, переезд в Россию и жизнь в новой среде приводят к столкновению с реалиями «чужой» культуры. Соответственно, в романе смоделированы ощущения и чувства героини-немки относительно «чужого» для нее русского общества.

2. Роман русско-французского писателя-эмигранта A. Makine “Le testament français” (А. Макин «Французское завещание») рассказывает о француженке, приехавшей в Россию сразу после Октябрьской революции. Герой-повествователь (ее внук) подчеркивает контраст, существующий, по его мнению, между картиной мира представителей русской лингвокультуры и бабушки-француженки.

Обращение к авторам, повествующим о представителях европейских культур, оказавшихся в «чужих» русских реалиях, позволяет, используя методы когнитивного анализа и анализа средств языковой репрезентации субкатегории «чужой», выявить механизмы дистанцирования «чужих».

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) выявить и проанализировать языковые средства выражения данной категории в анализируемых романах; 2) в рамках каждого параметра выявить механизмы дистанцирования «чужих»; 3) с помощью когнитивного анализа выделить параметры дистанцирования.

Теоретической базой исследования послужили работы по исследованию языковых средств выражения бинарной оппозиции «свой – чужой» и отношений, существующих между ними (Т. В. Алиева, Р. М. Планкина), когнитивному анализу (И. Г. Овчинникова, G. Vinsonneau, M. Hadarics, A. Kende), изучению слов-реалий как квантов культуры (И. Р. Абкадырова, Н. А. Фененко).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно применять в процессе преподавания дисциплин по проблемам межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики.

Основная часть

Исследователи не раз обращались к изучению оппозиции «свой – чужой». Среди терминов, определяющих эту дихотомию, как правило, употребляются *категория* и *оппозиция*. Данная проблематика стала предметом изучения таких наук, как психология, филология, философия, литературоведение, социология и др. Каждая наука рассматривает эту категорию, исходя из своего объекта исследования.

В *филологии* категория «свой – чужой» исследуется прежде всего с позиции изучения языковых средств ее выражения, также с точки зрения ее способности формировать оценочность в тексте (Р. М. Планкина (2014), Т. В. Алиева (2012) и др.). При этом следует отметить, что «проблема взаимоотношений между языком и когнитивной, а также коммуникативной деятельностью человека оказалась в фокусе интересов исследователей, что, в свою очередь, обусловило внимание к изучению отношений между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве с учетом ментальности и национальной картины мира коммуникантов» (Карповская, 2019, с. 175). В рамках *философии* анализу чаще подвергается категория «я – другой», чем оппозиция «свой – чужой». В тех случаях, когда рассматривается непосредственно оппозиция «свой – чужой», в поле внимания исследователей попадают виды оппозиции, типы встреч «своего» и «чужого», а также вопросы толерантности (например, см. работы В. Г. Фельде). В работах по *литературоведению* оппозиция «свой – чужой» рассматривается в связи с пониманием своей природы, «путей эстетического художественного развития» (Потёмнина, 2016, с. 95). В этом случае автор ищет свое место и его цель – идентифицировать «своих» и «чужих». Но, как отмечают исследователи, противоречия между «своими» и «чужими» не носят враждебного характера, а скорее наполнены иронией. Именно литературоведение обратило внимание на пограничное положение писателей-мигрантов, их статус медиаторов/посредников между двумя культурами и попытки организовать диалог между ними (Анохина, 2018, с. 9). В *социологии* категория «свой – чужой» рассматривается в связи с вопросами формирования коллективной идентичности, выявляются социально закреплённые стереотипы «своего» и «чужого», оценивается их важность для членов социума, анализируются вопросы взаимодействия местного населения различных стран и мигрантов и т.д. При этом отмечается, что маркирование (labelling) индивида как «своего» связано с чувством доверия. Так, «согласно результатам эксперимента, при взаимодействии со “своими” (“партнерами”) индивид испытывает в два раза больше доверия, чем при взаимодействии с “чужими»» (DeBruine, 2002). Кроме того, данная оппозиция анализируется в рамках теории социальной идентичности, при этом отмечается, что при определенных обстоятельствах статус «чужого» способен повлечь за собой негативные последствия (Vinsonneau, 2002, с. 33-47). Примечательно, что результаты исследований показывают, что «чужие» представители неблизкородственных этнических групп вызывают у индивидов негативные ассоциации, что нехарактерно для взаимодействия «чужих» индивидов близкородственных этнических групп (Kroon, Trilling, van der Meer et al., 2020, с. 744).

Использование современных междисциплинарных подходов, сочетающих в себе инструментарий филологии, психологии, когнитивистики и теории межкультурной коммуникации, открывает новые перспективы изучения категории «свой – чужой» и позволяет проанализировать разные виды маркеров субкатегории «чужого» и выявить механизмы его дистанцирования.

Средства выражения категории «свой – чужой» и механизмы дистанцирования

Поскольку категория «свой – чужой» неоднородна и обладает сложной структурой, дистанцирование «чужих» происходит на основании трех параметров: культурного, когнитивного и языкового. При этом выделяются такие маркеры дистанцирования «чужого», как: поведение во время различных культурных или социальных практик, пространственное восприятие, языковой фактор, культурные ценности и др. Прежде всего проводится анализ того, каким образом человек, рассматриваемый как единое целое, как когнитивная и эмоциональная система, выбирает и подтверждает свою принадлежность (Vinsonneau, 2002, с. 2-20). Примечательно, что индивид может быть отнесен к «чужим» на основе одного из признаков. Как правило, «основанием для классификации становятся перцептивно выпуклые, т.е. легко воспринимаемые признаки» (Овчинникова, 2008).

Культурный параметр

В данном случае речь идет о дистанцировании вследствие разницы в реализации тех или иных культурных практик, а также опоры на стереотипы. Негативные стереотипы и предубеждения и, в частности, вера в то, что представители «чужой» группы с позиции морали обладают не соответствующими нормам характеристиками, позволяют не применять к ее членам нормы справедливости, распространяющиеся на представителей «своей» группы (Hadarics, Kende, 2019, с. 258).

Анализ показал, что в тех случаях, когда герои не осознают себя носителями русской культуры, практически все ее представители, за исключением их ближайшего круга, вызывают у них беспокойство и недоверие. Например, королева Великобритании призывает свою внучку к настороженному отношению к русским, отмечая, что *el carácter ruso es intrincado* (Freire, 2018) (*русский характер полон хитросплетений*) (здесь и далее перевод фрагментов романа “Llamadme Alejandra” автора статьи. – И. А.). Компонентный анализ лексемы *intrincado* позволяет выделить такие семы, как: *enredado, complicado, confuso* (Diccionario de la lengua..., 2014) («путаный», «непонятный», «неявный», «сумбурный»), соответственно, представляется логичным заключить, что именно невозможность понять русских (т.е. несовпадение картин мира, разница в национальных характерах) вызывает беспокойство королевы.

Моделирование образа «чужих русских» опирается на такие распространенные стереотипы, как отсталость русского общества – *atrasado* у *salvaje* (Freire, 2018) (*отсталая и дикая страна*), бестактность его представителей, фатализм русских – *destin imprevisible, fantasque, si cher aux cœurs russes* (Makine, 1995) (*непредсказуемая, причудливая судьба, столь милая русскому сердцу*).

Среди наиболее частых негативных характеристик, которые выделяют герои анализируемых романов, подчеркиваются такие черты русских, как бестактность, бесцеремонность и грубость: *unos brutos, unos zafios sin control sobre sus pasiones* (Freire, 2018) (*грубые, неотесанные, не владеющие своими страстями*). Характеристика *brutos* содержит в себе такие семы, как: 1) невежественный, неспособный; 2) с изъясном, недалекий или безалаберный; 3) жестокий, неотесанный, тот, кому недостает вежливости и культурности (Diccionario de la lengua..., 2014). Аксиологическая оценка *zafios sin control sobre sus pasiones* свидетельствует о неспособности представителей русского общества, по мнению героини романа “Llamadme Alejandra”, сдерживать и контролировать свои чувства и эмоции. Такое восприятие «чужих русских» героев Александрой может быть объяснено результатами исследования Ф. Э. Енок, Дж. С. Флавел и соавторов (Enock, Flavell, Tipper et al., 2021), согласно которым нежелательные черты считаются более свойственными «чужим», а не «своим».

Моделируя образ русских как представителей «чужой» культуры, авторы нередко обращаются к категории *пространства*. Именно разница в восприятии пространственных отношений в процессе межличностной коммуникации положена в основу представления о русских как бестактной и бесцеремонной нации. Героине-европейцы испытывают психологический дискомфорт по причине того, что представителям русской культуры необходимо меньше личного пространства и, соответственно, они подходят на непривычно близкое расстояние во время разговора:

Sus faldas tocaban las mías o, en el caso de los hombres, las mías cubrían sus pies. Sentía su aliento en mi rostro, el calor corporal... (Freire, 2018). / Их юбки касались моего подола, или, когда это были мужчины, мой подол закрывал их обувь. Я чувствовала их запах у своего лица, тепло их тел...

Как отмечает ряд источников, в немецкой культуре «интимная зона несколько больше, чем, например, в России, и составляет примерно длину вытянутой руки. Поэтому, если кто-то подходит ближе, немец чувствует себя некомфортно и старается немного отойти» (Теория межкультурной коммуникации, 2020). Именно этот механизм защиты от вторжения «чужих» описан в романе:

A menudo yo, sin darme cuenta, retrocedía un poquito, y entonces mi interlocutor avanzaba y yo daba otro pasito atrás, hasta que me topaba con un mueble o una puerta y me acorralaban contra ella (Freire, 2018). / Часто я неосознанно немного отступала, и тогда мой собеседник наступал, и я делала еще один шаг назад, и так до тех пор, пока я не наталкивалась на мебель или дверь, и она не отрезала мне отход.

В данном случае субкатегория «чужой» вербализована лексемами *retroceder* (отступить), *avanzar* (наступать) и *acorralar* (отрезать выход), которые входят в лексико-семантическую группу “Guerra” («Война») и регулярно используются в военном дискурсе. Семантический потенциал данных лексем дает читателю понять, что Александра чувствовала агрессию со стороны окружающих, как будто они нападают на неё, как на войне, а ей приходится отступать/обороняться (носить с собой букет цветов или большой веер).

Территориально-пространственная организация окружающей среды рассматривается в качестве значимого фактора формирования психологического состояния персонажей. В частности, большие размеры СССР (*steppe sans limites – бескрайняя степь*) вызывают ощущение потерянности у персонажей-иностранцев: *...française égarée*

dans l'immensité neigeuse de la Russie (Makine, 1995). / ...французенка, затерявшаяся в снежной бескрайности России; ...une ville **perdue** au milieu de l'infini russe (Makine, 1995). / ...затерянном среди русской бесконечности.

Разница в степени тематической табуированности и тематической регламентации общения также приводит к дистанцированию от русских:

...aucune babouchka russe ne se serait hasardée dans une telle discussion avec son petit-fils (Makine, 1995). / ...ни одна русская бабушка не осмелилась бы говорить на такую тему со своим внуком...

В данном случае речь идет о том, что бабушка-французенка была готова говорить со своим несовершеннолетним внуком на табуированные в Советском Союзе темы, например об интимных отношениях между женщиной и женщиной. Несоблюдение правил коммуникативного поведения становится одним из оснований противопоставления героини-французенки (**grand-mère**) и русских женщин пожилого возраста (**babouchka**).

Отдельно следует остановиться на роли института семьи и отношениях в семье. Примечательно, что в случае когда объект уже идентифицирован как «чужой», даже его позитивные характеристики оцениваются негативно, в ряде случаев в силу их гиперболизации:

Pese a que ya quedaba poca sangre rusa en sus venas, se comportaban como una familia típica del país, unida hasta lo inexplicable, ruidosa y amante de las reuniones y las discusiones (Freire, 2018). / Несмотря на то, что в их венах осталось мало русской крови, они вели себя как **типичная русская семья, сплоченная до невообразимости, шумная и обожающая встречи и беседы**.

В приведенном фрагменте реализация лексемы **unida** (сплоченная) с адвербиальным модификатором **hasta lo inexplicable** (до невообразимости) и в сочетании с однородным определением **ruidosa** (шумная) наделяет ее отрицательным значением.

Несовпадение культурных доминант картины мира героев-европейцев и окружающих их представителей русского общества может вызывать у первых не просто отторжение и настороженность, а чувство ужаса:

Y luego esa espantosa costumbre de entrar sin llamar y a cualquier hora en nuestras habitaciones me desquiciaba. Cuando se lo expliqué a Nikki, él me miró estupefacto (Freire, 2018). / И потом этот **пугающий** обычай входит без стука в любое время в наши комнаты **расстраивал** меня. Когда я объяснила это Никки, он ошеломленно посмотрел на меня.

Обычай входить без стука воспринимается героиней как нарушение личных границ и вторжение в личное пространство. Интерес в данном случае представляет потенциал глагола **desquiciar**, семантика которого подчеркивает не только расстроенные чувства героини-немки, но и ее одиночество (*расстраивать; разваливать; лишать помощи; лишать поддержки; ссорить*).

Поверхностное знание истории России и культурного кода приводит к неправильной интерпретации культурных практик. В частности, героиня романа “Llamadme Alejandra” пугается, когда на свадьбе татары осыпают молодоженов солью, виноградом и цветами.

Языковой и когнитивный параметры

Значимым параметром для определения культурной дистанции между «чужими» и «своими» и национальной дифференциации выступает язык (Абкадырова, 2016, с. 14-15), который играет важную роль в иницировании и поддержании социальных отношений. Анализ языкового фактора тесно связан с особенностями когнитивной картины мира героев, поэтому представляется целесообразным совместное рассмотрение данных уровней реализации категории «свой – чужой».

Именно на основании языкового критерия герои обоих романов противопоставляют себя окружающему их миру, причем в обоих случаях речь идет о русском и французском языках:

Quant au français, nous le considérons plutôt comme notre dialecte familial. Après tout, chaque famille a ses petites manies verbales... son argot intime (Makine, 1995). / Что до французского языка, на него мы смотрели скорее как на наш семейный диалект. В конце концов, у каждой семьи есть свои языковые пристрастия... свой сокровенный жаргон.

Creo que una de las razones por las que no me han querido en Rusia ha sido por no hablarlo bien (Freire, 2018). / Я думаю, что одна из причин, из-за которой меня не полюбили в России, была в том, что я не очень хорошо владела русским языком.

Если в первом случае речь идет о владении/невладении определенным языковым кодом как параметром включения в семью, то во втором случае недостаточный уровень знания языка (например, отличия в звуковой организации речи) приводит к тому, что Александру, по ее собственному мнению, воспринимают «чужой», т.е. язык осуществляет координацию социальных действий.

В этой связи примечательна реакция императрицы-немки на практику говорить на французском языке, распространенную в высшем обществе России в XVIII-XIX веках:

Nuevamente me sonrojé: mi hijo, a los ocho años y medio, rodeado de una corte que hablaba, intrigaba y actuaba en francés, no sabía una palabra del idioma rey (Freire, 2018). / Я снова **покраснела**: мой сын в восемь с половиной лет в окружении двора, который говорил, вел интриги и дела на французском, не знал ни слова на царском языке.

Осознание того, что ее собственный сын не говорит на русском языке вызывает у героини чувство стыда (*me sonrojé*), потому что, согласно ее картине мира, отказ от родного языка означает отказ от культурного опыта этноса, т.е. от своих корней.

В языковом плане средствами репрезентации образа «чужого» (а также моделирования определенного русского колорита) регулярно выступают русизмы: **samovar**, **dacha**, **kokoshniki**, **kolkhozien**, **dérevnia**, **isba**, **babouchka** и др. Данные русизмы, как правило, обозначают те или иные реалии российской действительности. Слова-реалии способствуют идентификации автора художественного произведения или говорящего ге-

роя в рамках оппозиции «свой – чужой», представляя собой одно из основных средств моделирования действительности (Абкадырова, 2016, с. 9-10). На неслучайность отбора реалий художественного произведения указывает Н. А. Фененко (2020), которая отмечает, что «реалии конкретной культуры функционируют не как отдельные, изолированные единицы художественного текста, а выступают в нем как единое целое – единый идейно-тематический и эстетико-стилистический комплекс» (с. 53).

Реалии-русизмы приходят во французский код романа “Le testament français” извне и, соответственно, вносятся в него фрагменты русского – «чужого» – культурного представления о мире. В частности, когда дети (герои романа “Le testament français”) слышат о том, что *Neuilly, à l'époque, était un simple village...* (Makine, 1995). / *Нёйи был в ту пору простой деревней*, они представляют не маленький по размерам населенный пункт, а *un chapelet d'isbas* (цепочку изб), поскольку в русской когнитивной картине мира заложен именно такой когнитивный потенциал слова *деревня*:

Elle l'avait dit en français, mais nous, nous ne connaissions que les villages russes. Et le village en Russie est nécessairement un chapelet d'isbas – le mot même dérevnia vient de dérévo – l'arbre, le bois (Makine, 1995). / *Она сказала это по-французски, но мы-то знали только русские деревни. А деревня в России – это обязательно цепочка изб (само слово деревня происходит от слова «дерево»).*

В данном случае описывается механизм наложения реалий русской картины мира и французской действительности и подчеркивается разница в наполнении концептов *VILLAGE* и *ДЕРЕВНЯ*.

Дифференцирование понятий, выраженных словарными эквивалентами, является одной из стратегий дистанцирования «чужих». В качестве основы для такого механизма дистанцирования один из авторов использует слова *babouchka* и *grand-mère* (фр. «бабушка»), которые являются словарными эквивалентами. Если лексема *babouchka* применяется в романе “Le testament français” только по отношению к русским женщинам пожилого возраста, то по отношению к французским женщинам в возрасте используется *grand-mère*:

...cette Française, au regard calme de ses yeux gris, élégante, malgré la simplicité de sa robe, mince et si différente des femmes de son âge, des babouchkas... (Makine, 1995). / *...эта французенка со спокойным взглядом серых глаз, элегантная, несмотря на простоту своего платья, стройная и так не похожая на бабушек ее возраста...*

Таким образом, можно снова говорить об акценте на разнице в содержании концептов (в данном случае *babouchka* и *grand-mère*) как одном из механизмов дистанцирования «своих» и «чужих».

Заключение

Художественная литература является пространством для моделирования когнитивных механизмов, показывающих процессы взаимодействия и взаимовлияния «своего» и «чужого». Такой прием в литературе можно отнести к одному из способов освоения «чужой» действительности. Следовательно, можно говорить о моделировании образа «чужого» на основе определенных культурных стереотипов. Оппозиционирование «своих» и «чужих» происходит на трех уровнях: культурном, языковом и когнитивном.

На когнитивном уровне дистанцирование при моделировании образа русских происходит вследствие разницы в картинах мира и, соответственно, в коммуникативном поведении. Восприятие языка становится важным фактором при дистанцировании чужих (акцент, низкий уровень владения языком, предпочтение «чужого» языка родному и др.). В целом аксиологическая интерпретация одних и тех же поступков по отношению к «чужим» и «своим» может значительно отличаться. Несовпадение культурных доминант картины мира героев и представителей русского общества, которые их окружают, вызывает у них не просто отторжение, а чувство страха. Дистанцирование «чужих» может происходить путем приписывания какой-либо отрицательной характеристики всем представителям русской культуры. На языковом уровне авторы подчеркивают разницу, вставляя в текст иноязычные вкрапления из русского языка и лакунарные реалии русской культуры, а также дифференцируя понятия, выраженные словарными эквивалентами на русском и французском языках.

Перспективным представляется валидация выделенных параметров и механизмов дистанцирования применительно к другим типам дискурса, в частности в текстах публицистического дискурса.

Источники | References

1. Абкадырова И. Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы): дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2016.
2. Алиева Т. В. Оппозиция «свой - чужой» в англоязычной прессе: лексические средства выражения // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2012. № 3 (24).
3. Анохина А. А. Оппозиция «свое» - «чужое» в романе Лены Горелик «Мои белые ночи» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-1 (79).
4. Карповская Н. В. К вопросу о когнитивно-прагматическом потенциале языковых единиц (на материале испанского и русского языков) // Язык и действительность: научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака (г. Москва, 13-15 марта 2019 г.). М., 2019.
5. Овчинникова И. Г. Дихотомия «свой - чужой» в сознании молодых россиян (по материалам ассоциативного эксперимента). 2008. URL: <https://elar.ufrf.ru/bitstream/10995/1838/1/Part2%202008-05.pdf>

6. Планкина Р. М. Оценочная лексика как отражение идиостиля М. Митчелл (на примере оппозиции «свой - чужой») // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2014. № 1 (35).
7. Потёмина М. С. «Свое/чужое» как основа реализации субъективной модальности в литературе Германии после 1989 года // Категория модальности и речевой коммуникации / под ред. И. Ю. Куксы. Калининград, 2016.
8. Теория межкультурной коммуникации: учебник и практикум для вузов / под ред. Ю. В. Таратухиной, С. Н. Безус. 2020. URL: <https://urait.ru/bcode/450778>
9. Фененко Н. А. Художественный реалитон и его репрезентация в тексте оригинала и перевода // Романские языки в эпоху глобализации: современные вызовы и самоидентификация: сб. мат. участн. междунар. науч. онлайн-конф. / сост. Д. Ю. Гулинов, Н. В. Титаренко, А. А. Штеба. Волгоград, 2020.
10. DeBruine L. M. Facial Resemblance Enhances Trust // Biological Sciences. 2002. Vol. 269. No. 1498.
11. Diccionario de la lengua española. La 23.ª edición. Madrid, 2014. URL: <https://www.rae.es>
12. Enock F. E., Flavell J. C., Tipper S. P., Over H. No Convincing Evidence Outgroups Are Denied Uniquely Human Characteristics: Distinguishing Intergroup Preference from Trait-Based Dehumanization // Cognition. 2021. Vol. 212. Art. 104682. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85103086944&doi=10.1016%2fcognition.2021.104682&partnerID=40&md5=599c4442c339e194efed4b0f8923307a>
13. Freire E. Llamadme Alejandra. Barcelona, 2018. URL: <https://www.findpdf.me/?p=Llamadme+Alejandra&ln=es>
14. Hadarics M., Kende A. Negative Stereotypes as Motivated Justifications for Moral Exclusion // The Journal of Social Psychology. 2019. Vol. 159 (3).
15. Kroon A. C., Trilling D., van der Meer T. G. L. A., Jonkman J. G. F. Clouded Reality: News Representations of Culturally Close and Distant Ethnic Outgroups // Communications. 2020. Vol. 45 (1).
16. Makine A. Le testament français. 1995. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=133872&pg=1>
17. Vinsonneau G. The Development of the Notions of Culture and Identity: An Ambiguous Path (Le développement des notions de culture et d'identité: Un itinéraire ambigu) // Carrefours de l'Éducation. 2002. Vol. 14 (2).

Информация об авторах | Author information

RU**Абкадырова Ирина Рустэмовна¹**, PhD**Режук Зинаида Владимировна²**, к. филол. н.^{1,2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону**EN****Abkadyrova Irina Rustemovna¹****Rezhuk Zinaida Vladimirovna²**, PhD^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don¹ irabkadyrova@sfedu.ru, ² zvrezhuk@sfedu.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.06.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): оппозиция «свой - чужой»; художественная литература; испанский язык; французский язык; когнитивный подход; opposition “ingroup - outgroup”; fiction; Spanish language; French language; cognitive approach.